

БИБЛИОТЕКИ И ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО

Нерасчетливая информатизация библиотек несет угрозу усугубления дегуманизации российского общества. Предлагаются аргументы в пользу сохранения библиотечного института в грядущем информационном обществе.

В наши дни перспективы развития человечества связываются со становлением Глобального информационного общества, которое понимается как «ступень в развитии современной цивилизации, характеризующаяся увеличением роли информации и знаний в жизни общества, возрастанием доли информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в ВВП, созданием глобального информационного пространства, которое обеспечивает эффективное информационное взаимодействие людей, их доступ к мировым информационным ресурсам и удовлетворение их социальных и личностных потребностей в информационных продуктах и услугах» [1]. Для определения роли библиотек в грядущем информационном обществе, на наш взгляд, решающее значение имеют две сущностные особенности информационного общества: во-первых, формирование *информационного рынка* – системы экономических, правовых и организационных отношений между людьми по торговле информационными технологиями, информационными продуктами и услугами; во-вторых, становление нового рода коммуникационной культуры – *электронной коммуникации*, основанной на радиоэлектронных средствах связи. Фундаментом электронной коммуникации, супермагистралью информационного рынка и общества в целом служит Всемирная система Интернет.

Для библиотек – традиционных хранилищ информации и знаний – информационный рынок, где торгуют информацией и знаниями, оказался закрыт, потому что их услуги бесплатны. В силу этого книгохранилища, финансируемые государством или бизнесом, не создают добавленной стоимости, никакого вклада в ВВП не вносят, не способны к самокупаемости и являются бременем для экономики информационного общества. (Точнее говоря, наши экономисты-материалисты не умеют представить создаваемый библиотеками духовный продукт в денежном

эквиваленте.) По этой причине в технократических концепциях информационного общества главный акцент делается на информационно-коммуникационные технологии, а книга и библиотеки не упоминаются вообще или фигурируют в качестве «объектов информатизации». Бумажные носители отвергаются, потому что информация и знания в информационном обществе должны воплотиться не в архаичные документные фонды, а в электронные (оцифрованные) информационные ресурсы глобального масштаба с возможностями доступа из любого места и в любое время. Интернет уже сегодня обеспечивает библиографический поиск и электронную доставку документов более полно и оперативно, чем традиционные библиотечно-библиографические учреждения. На книжном рынке назревает бум ридеров (e-book). В итоге создается впечатление, что электронная коммуникация успешно вытесняет документальную коммуникацию, что грядущее информационное общество немислимо без ридеров и Всемирной системы Интернет, а без библиотек вполне может обойтись.

Опасаясь оказаться в качестве изгоев грядущего информационного общества, библиотечные руководители энергично иницируют программы автоматизации, информатизации и компьютеризации библиотечных процессов, проекты построения электронных библиотек, сводных каталогов, корпоративных библиотечных сетей, служб виртуального библиографического обслуживания и т. п. Работы ведутся широким фронтом во всем мире и значительные капитальные затраты оправдываются обещаниями резко поднять качество библиотечно-библиографического обслуживания при сокращении производственных издержек и, самое главное, гарантиями вхождения в информационное общество в качестве полноправного члена. Информатизация библиотек означает, что они изменяют свою коммуникационную сущность: выходят из документальной коммуникации и становятся элементом электронной коммуникации. Назовем такую метаморфозу *«разбиблиотечивание»*.

1. Разбиблиотечивание – пропуск в информационное общество

Что понимается под «разбиблиотечиванием»? Этот неблагозвучный термин означает такое преобразование библиотеки, когда она утрачивает свои сущностные, необходимые и обязательные качества. Интеллигент-просветитель Ф. Ф. Павленков в

«Энциклопедическом словаре» (1905) лаконично объяснял: «Библиотека – более или менее значительное собрание книг; место, откуда отпускают на определенных условиях книги для чтения на месте или на дом». Современная «Библиотечная энциклопедия» (2007) предлагает модернизированную терминологически, но по сути ту же классическую формулировку: «Библиотека – учреждение для сбора, хранения произведений печати и других документов, а также пользования ими» [2]. Следовательно, библиотеке необходимо присущи, по крайней мере, два существенных признака: книжный фонд и читатели библиотечных книг. Это главные признаки: без книг и читателей библиотекари перестают быть библиотекарями, а пустующие книгохранилища и читальные залы библиотечными пространствами назвать нельзя. Разбиблиотечивание означает «симуляцию книг и читателей»; оцифровывание фонда – замену книг их суррогатами, а телекоммуникационное обслуживание – виртуализацию читателей. В результате получается, как говорят французские постмодернисты, *симулякр*, т. е. знак, обозначающий то, чего нет.

Учреждение, именовавшееся раньше «библиотека», теперь отсутствует, а вместо него появился информационный центр, центр электронной коммуникации, который можно из уважения к его происхождению назвать «электронной библиотекой», но точнее было бы – «информаторий». Здесь рукописные и печатные книги станут исполнять роль музейных экспонатов, господствовать же будет *безбумажная*, а не книжная коммуникация. Бывшие интеллигенты-книжники превратятся в информационных менеджеров, аналитиков-синтезаторов информационных ресурсов, навигаторов в глобальных информационных сетях, в лучшем случае, в инструкторов по освоению информационной культуры.

Информатизация библиотечных технологий, предусмотренная в технократических проектах, уже произошла в некоторых российских библиотеках или находится в процессе реализации. Государственная программа «Информационное общество (2011–2020)» предусматривает «создание национального библиотечного ресурса с унифицированным каталогом на базе оцифрованных фондов Российской государственной библиотеки, Российской национальной библиотеки, Президентской библиотеки имени Б. Н. Ельцина, библиотек государственных академий наук Российской Федерации, а также государственных и муниципальных публичных библиотек». Если считать, что библиотек не бывает без

книг и читателей, то оцифрованные фонды с удаленным доступом нужно называть не «библиотечным ресурсом», а «информационным ресурсом», точнее, «разбиблиотеченным национальным ресурсом информационного общества». Складно получается: если в неинформационном обществе были библиотеки, то в информационном обществе должны быть не библиотеки, а информационные службы с электронными каталогами и оцифрованными фондами. Выходит, информационное общество в библиотечных книгохранилищах не нуждается. Есть свидетельства, подтверждающие этот абсурдный, казалось бы, вывод.

2. Тенденция разбиблиотечивания российского общества

Назовем три факта, свидетельствующие о процессе разбиблиотечивания России в последние десятилетия.

Первый факт. Библиотечное строительство, т. е. расширение и укрепление сети библиотек, отсутствует. Напротив, без официального афиширования, но достаточно последовательно в стране осуществляется *политика свертывания библиотечных сетей*. Практически распались сети партийных и профсоюзных библиотек, серьезно пострадали отраслевые и территориальные системы научно-технических библиотек, продолжается демонтаж централизованных библиотечных систем. Единственным конструктивным достижением последних лет является открытие в мае 2009 г. Президентской библиотеки имени Б. Н. Ельцина. Эта Библиотека получила статус *национальной электронной библиотеки* и представляет собой типичный информаторий, располагающий информационным ресурсом в виде оцифрованных фондов документов, изданий и мультимедийных материалов и обеспечивающий широкий дистанционный доступ различных категорий пользователей к этому ресурсу. Согласно исходной Концепции Библиотеки (2007), на нее возложены «организация интегрированного поиска по электронным каталогам российских библиотек, архивов, музеев и других учреждений, создание и поддержание единой точки удаленного доступа к официальным сайтам Президента Российской Федерации, органов государственной власти и местного самоуправления, политических партий, общественных объединений и иных структур гражданского общества», а также «активное содействие формированию информационных потребностей общества и удовлетворение этих потребностей посредством современных компьютерных технологий; координация вопросов унификации и использования

стандартов в сфере использования электронных информационных ресурсов и электронных носителей информации в государственных учреждениях».

Второй факт – увеличивающаяся *дисфункция (деградация) чтения*. Социологи, изучавшие чтение в России начала 90-х гг. (руководитель С. Н. Плотников), разделили население страны на четыре категории: а) читают практически постоянно – около 20%; б) читают две и более книг в месяц – 25%; в) читают одну – две книги за полгода – 35%; г) совсем не читают – более 20% [3]. Оказалось, что лишь 1/3 людей с высшим образованием читает постоянно, 1/3 читает две и более книг в месяц, остальные обходятся без чтения литературы. Данные, опубликованные социологами чтения в 2000-е гг., подтверждают это заключение [4]. Для современной молодежи главным коммуникационным каналом давно уже стал Интернет, а красочные изображения мультимедиа успешно конкурируют с типографской продукцией. Все меньше и меньше книголюбов, проявляющих, как говорят, «рудиментарные интеллигентские читательские установки». Если дисфункция чтения будет усугубляться, то разбиблиотечивание страны произойдет автоматически. В самом деле, если русские люди перестанут читать книги, зачем содержать пустующие библиотеки?

Третий факт. *Государственная политика информатизации общества*. В 1995 г. Государственная Дума приняла Федеральный закон «Об информации, информатизации и защите информации»; в том же году Администрация Президента РФ разработала «Концепцию формирования и развития единого информационного пространства России и соответствующих государственных информационных ресурсов». В конце 1998 г. Государственная Дума одобрила «Концепцию государственной информационной политики» [5]. В русле этой политики находится «Концепция формирования информационного общества в России», предложенная Государственным комитетом Российской Федерации по связи и информатизации в мае 1999 г. [6] На международной арене информационная политика нашего государства проявилась в присоединении России к «Хартии Глобального Информационного общества», принятой на саммите стран «большой восьмерки» (июль 2000 г., Окинава). С положениями Окинавской Хартии была согласована Федеральная целевая программа «Электронная Россия (2002–2010)» [7]. В феврале 2008 г. Совет Безопасности Российской Федерации одобрил новый директивный документ – «Стратегию

развития информационного общества в России» [8]. Поскольку программа «Электронной России» оказалась исчерпанной, в 2010 г. Министерство коммуникации и связи разработало новую Долгосрочную целевую программу «Информационное общество» на 2011–2020 гг. с общим объемом финансирования 3788 млрд рублей [9].

Названные концепции, стратегии, хартии единогласно обещают россиянам: «улучшение условий жизни населения, повышение эффективности общественного производства, содействие стабилизации социально-политических отношений на основе внедрения средств вычислительной техники и коммуникации»; «полноценную жизнь и эффективную деятельность человека в информационном обществе XXI века», «согласование интересов граждан, общества и государства»; «использование материальных и духовных благ информационной цивилизации для того, чтобы обеспечить населению России достойную жизнь, экономическое процветание и необходимые условия для свободного развития личности». При этом ни в одном официальном документе, ни в одной концепции, стратегии или программе, нацеленной на построение в России информационного общества, нет слов «книга» или «чтение».

Напрашивается безрадостный вывод: наши государственные мужи представляют будущее российское общество как общество *нечитающее и бескнижное*. Не случайно же у нас нет ни федеральных законов, ни целевых программ, ни политических концепций, ни стратегических планов, где звучала бы обеспокоенность судьбами книги, чтения, российской книжной культуры. Если исходить из буквы и духа государственных стратегических установок, то библиотекам следует считать главной *информационную функцию* и видеть свою миссию в удовлетворении информационных потребностей читателей на основе информационных порталов Президентской библиотеки и других информационных ресурсов. Следовательно, отодвигаются на задний план полиграфическая книга и общедоступная библиотека – *орудия гуманистического просвещения и одухотворения человечества*, завещанные предыдущими веками. Взамен предлагаются Интернет и мобильная телефония – замечательные плоды передового западного технократизма.

Возникают опасения, не приведет ли такая государственная стратегия к дегуманизации информационного общества? Эти

опасения решительные технократы отводят заявлением, что модернизированная библиотека, использующая ресурсы Интернета, будет лучше служить современному обществу, чем гуманистическая библиотека, основанная на технологиях «времен парусного флота», потому что она будет оперативнее, дешевле, комфортнее выполнять требования пользователей. Может быть, технократы правы? Зачем в информационном обществе архаичные учреждения-изживенцы, не способные вписаться в информационный рынок и не создающие экономически осязаемой добавленной стоимости? Ведь государственные программы информатизации, игнорирующие библиотеки, обещают «обеспечить населению России достойную жизнь, экономическое процветание и необходимые условия для свободного развития личности» (см. выше). Чтобы удостовериться в правдоподобности этого обещания, заглянем в будущее, учитывая предположения, выработанные проницательными футурологами.

3. Некоторые особенности информационного общества

Начавшееся столетие позиционируется как «информационная эпоха» и вместе с тем как эпоха глобальных угроз и «вызовов» человечеству. Случайно или закономерно, но получилось так, что в историческом времени совпали две мегатенденции, определяющие будущее человечества: информатизация и глобализация [10]. Мегатенденции не обособлены, а напротив, взаимосвязаны и даже взаимообусловлены. Процессы глобализации прокладывают человечеству путь в глобальное (всемирное) многонациональное общество. Вместе с тем разрешение большинства глобальных проблем требует постоянного и оперативного информационного взаимодействия в планетарном масштабе, которое можно обеспечить только в рамках информационного общества. Получается, что построение глобального информационного общества – ключевая проблема и конечная цель как мегатенденции информатизации, так и мегатенденции глобализации. Мегатенденции в значительной степени определяют социальные и политические проблемы информационного общества, имеющие отношение к будущему библиотечного института. Назовем некоторые.

1. Глобальной экономической проблемой являются диспропорции в мировой экономике, когда совокупное богатство 225 богатейших людей планеты равно ежегодному доходу 2,5 млрд бедняков, составляющих более 40% человечества. Экономически

абсурдна ситуация, когда общее состояние трех богатейших миллиардеров превышает совокупный валовой внутренний продукт 48 беднейших стран. Либеральные футурологи не видят способа уменьшить пропасть между богатыми и бедными и почти единодушно предсказывают, что в наступившем столетии она будет только увеличиваться. Поэтому не кажется вздорным афоризм, что экономическая глобализация – «финансовое насилие в планетарном масштабе». На наш взгляд, библиотекам не удастся избежать последствий этого насилия.

2. Глобализация обеспечивает всемирные масштабы коммуникации, широчайшие возможности культурного обмена и туризма, она создает безграничные, казалось бы, возможности для просвещения, взаимопонимания, культурного прогресса, сотрудничества всех народов Земли. Однако неуправляемая, неконтролируемая глобализация несет массу отрицательных последствий. В качестве идеала представляется вестернизированное космополитическое сообщество, и «экспансия унифицированных образцов поведения, чужеземных культурных обычаев, норм, ценностей угрожает самому существованию множества самобытных национальных культур, а потому вызывает негативную реакцию, протесты антиглобалистов» [11]. В этой ситуации очень важную социально-культурную миссию могут выполнить библиотеки как хранилища национальной культуры.

3. Нарастает угроза «столкновения цивилизаций», о котором предупреждал американский политолог Сэмюэл Хантингтон [12]. По мнению политолога, в XXI в. доминирующим фактором мировой политики станут кровопролитные межэтнические столкновения. Аргументами в пользу неизбежности цивилизационных конфликтов служат такие социально-демографические проблемы, как всемирная урбанизация, рост нищеты и социальной неустроенности в многомиллионных мегаполисах (Мехико – 24 млн, Сан-Паулу – 23, Бомбей – 15 млн и т. д.), безработица в развивающемся мире (в 2000 г. – 1,7 млрд человек, к 2025 г. прогнозируется более 3 млрд). Особенно острой является проблема миграции в богатые постиндустриальные страны. Во многих европейских странах иностранцы-неевропейцы уже составляют более 10% населения, пробуждая ксенофобию и социальную напряженность.

4. В области международных отношений предсказывается *управляемый хаос*, характеризующийся следующими явлениями:

перераспределение властных полномочий с национального на глобальный уровень и появление новых субъектов власти, таких как международные регулирующие органы и неформальные центры влияния; конкуренция между США и другими претендентами на мировую гегемонию; формирование новых социальных общностей – мирового Севера и мирового Юга, помимо ранее существовавших Запада и Востока [13]. Международные отношения перестают быть сферой, где формально равные и суверенные члены выстраивают коалиции, взаимодействующие друг с другом; теперь возникает глобальная иерархия, на вершине которой «большая семерка», НАТО и т. п., а на противоположном полюсе «отверженное племя государств-париев». В этих условиях нормой становятся глобальные финансово-экономические кризисы, возрождение архаических ценностей и тоталитарных режимов, распространение оружия массового поражения и угрозы его применения, всемирное распространение криминальных структур, превращение терроризма в «системный» компонент информационного общества. Выйдут ли библиотеки на международную арену? Не знаю. Зато в национальных структурах без них не обойтись.

5. Информационное общество видится многим футурологам не равноправным содружеством соотечественников, а расколотым на два «полюса социального противостояния»: 1) высшая страта *меритократов* («лучших людей»), представители которой происходят, как правило, из образованных и обеспеченных семей, отличаются высоким уровнем образованности, заняты в высокотехнологичных отраслях хозяйства, занимают высокие посты в корпоративной или государственной иерархии; 2) низшая страта, состоящая из рабочего класса или неквалифицированных иммигрантов, которые отличаются невысокой образованностью и подвижны, главным образом, материальными нуждами, заняты в массовом производстве или примитивных отраслях сферы услуг. Антагонистический раскол – постоянный источник социального напряжения в информационном обществе.

Особенность социального антагонизма будет состоять в том, что принадлежность к господствующей страте обуславливается не наследуемым социальным происхождением или материальной собственностью, а владением *интеллектуальным капиталом* – образованностью и творческими способностями. Изначально заложенное в недрах информационного общества

антагонистическое противоречие, как доказывает в своих книгах экономист-футуролог В. Л. Иноземцев, гораздо более фундаментально, чем противостояние пролетариата и буржуазии. Дело в том, что способности, обеспечивающие процветание меритократов, не могут быть ни отчуждены, ни перераспределены. Дополнительный драматизм ситуации придает то, что рабочие не имеют шансов присоединиться к высшей страте, потому что умственное развитие и образованность достигаются с детского возраста и определяются средой воспитания и генетической наследственностью индивида. Поэтому низшая страта обречена на материальное обнищание и духовную деградацию, а высшая страта постепенно превращается в замкнутую касту, отторгающую пришельцев и воспроизводящую сама себя. Размежевание страт информационного общества не может не сказаться на практике чтения и на потребности в библиотеках. Количество читателей в библиотеках и число публичных библиотек будет сокращаться, оправдывая государственную политику «разбиблиотечивания общества».

6. Страта меритократов, состоящая из талантливых создателей новой техники и высокопродуктивных технологий, монополюльно владеющая основным хозяйственным ресурсом, которым являются информация и знания, обеспечит информационному обществу интеллектуальное развитие, материальное благополучие, социальный комфорт и техническое могущество, включая оружие массового поражения, о которых предыдущие поколения только мечтали. Однако необыкновенное интеллектуальное развитие высшей страты не гарантирует гуманизации информационного общества, расколотого на господствующее меньшинство и обездоленное большинство. А. А. Зиновьев в своем «социальном романе» «Глобальный человек» (1997) утверждает, что антагонизм богатых и бедных сохранится в процветающем западном обществе, а население незападного мира будет по-прежнему «влачить жалкое существование вне всяких эпох и постэпох». Он предвидит повсеместно ожесточенную борьбу между элитой и трудящимися массами, которая чревата самоуничтожением цивилизации. Элита обособится в неприступных и комфортабельных поместьях, поскольку «гораздо легче защитить отдельные категории людей от испорченной природы, чем спасти природу от порчи, исходящей от этих людей».

Из сказанного следуют *три вывода*.

Во-первых, в условиях антропогенно перегруженной Земли опасно обострились глобальные проблемы: перенаселение планеты; преодоление экологического кризиса; борьба с голодом, нищетой и болезнями; рациональное использование природных благ; сохранение мира, укрепление всеобщей безопасности и разоружение. В последнее десятилетие статус глобальных проблем приобрели международный терроризм и торговля наркотиками [14]. Мегатенденции глобализации и информатизации не разрешают, а напротив, усугубляют угрозы существованию человечества.

Во-вторых, невиданный рост научно-технической мощи и экономического богатства соседствует с духовной деградацией и дегуманизацией отношений между отдельными людьми, народами, нациями, государствами. Если гуманизм основан на сотрудничестве и взаимопомощи, на равноправии и толерантности, на взаимопонимании и уважении других культур, то разрушительная дегуманизация проявляется в алчности и эгоизме, праве сильного и беспомощности слабого, аморальности и хамстве во всех их разновидностях. В экстремальных условиях столкновения цивилизаций и корыстных притязаний великих держав, межнациональных, религиозных, классовых конфликтов, озлобления обманутого и нищающего населения *только гуманизация общественного сознания может спасти от гибели обезумевших людей*. Как достичь нужного уровня гуманизации сознания – это главный вопрос в повестке дня XXI в. Главнее и сложнее, чем вопросы глобализации и информатизации.

В-третьих, гуманизация человечества, его духовное возрождение возможны только в том случае, когда знания и искусство, идеалы и мудрость, воплощенные в культурном наследии наций, в колоссальной памяти мирового сообщества, будут востребованы, поняты и оценены по достоинству самоуверенными потомками. Школа и литература, религия и средства массовой информации должны сыграть свою роль в гуманистическом возрождении постиндустриальной цивилизации, но без участия библиотечного социального института не обойтись ни в коем случае. Именно библиотеки, опираясь на многомиллиардные книжные фонды, завещанные предками, способны и должны выступить в качестве *гуманистического символа нации* [15]. Возникает, естественно, вопрос: почему этим символом не могут стать разбиблиотеченные информатории, почему нужно сохранять библиотеки в классическом их воплощении, т. е. как «более или

менее значительное собрание книг; место, откуда отпускают на определенных условиях книги для чтения на месте или на дом» (Ф. Ф. Павленков)? Разберемся внимательно в этом вопросе.

4. Магия книги и магия Интернета

Библиотеки и информатории принадлежат различным сферам социального мира: естественно-исторически сложившейся социосфере и искусственно созданной техносфере. Естественная социосфера обладает двумя родами коммуникации: устной коммуникацией, основанной на естественном языке, и документальной, в том числе книжной, коммуникацией. Письменность, книжность, библиография, библиотеки есть естественное достояние народов и наций – результат многовекового и коллективного духовного творчества. Техносфера в последние десятилетия обогатилась глобальной (международной) электронной коммуникацией, основанной на информационно-коммуникационных технологиях. В результате в области социальной коммуникации возникла контроверза (разногласие, спор) между естественными и искусственными коммуникационными средствами. По существу это спор о гуманизме. Естественно сложившиеся средства *гуманистичны*, потому что они привычны и антропоморфны (соответствуют природным кондициям человека), а искусственно созданные (техногенные) средства не столь очеловечены, но зато они более производительны, оперативны, комфортны. На основании технических преимуществ электронная коммуникация претендует на вытеснение архаичной книжности, несмотря на гуманистические качества последней. На наших глазах такое вытеснение происходит, и разбиблиотечивание общества тому пример.

Выскажем гипотезу. Если под *магией* понимать неотразимое воздействие на человека таинственной (рационально необъяснимой) силы, то можно обнаружить магию книги и магию Интернета. Лауреат Нобелевской премии по литературе Герман Гессе (1877–1962) написал в 1930 г. небольшое эссе «Магия книги», которое завершил словами: «За сложнейшими сплетениями бесчисленных языков и книг, созданных за многие тысячи лет, читателю в моменты озарения предстает удивительно возвышенное и сверхреальное видение – лик человека, тысяча противоречивых черт которого претворены в единое целое магией книги» [16]. Магия книги заключается в том, что она содержит часть духовности своего автора, которая взывает к духовности читателя.

Если получается резонанс, встреча двух родственных духовностей, появляется пламя духа, обжигающее память. Поэтому книгу можно перечитывать неоднократно, каждый раз находя в ней новое содержание. Магии книги и интимности чтения посвящены поэмы и мемуары, диссертации и монографии, афоризмы и учебные пособия, припомнить которые нет никакой возможности.

Интернет – явление новое, но уже подчинившее себе целые субкультуры интернетоманов (киберпанков), где немало интеллектуалов, обладающих развитым чувством собственного достоинства и публично бросающих дерзкий вызов традиционному истеблишменту. Ярким документом в этом отношении может служить *Декларация независимости Киберпространства*, сочиненная Джоном Барлоу. Вот некоторые тезисы этой декларации.

«Правительства Индустриального мира, вы – утомленные гиганты из плоти и стали; моя же родина – Киберпространство, новый дом Сознания. Мы творим мир, в который могут войти все без привилегий и дискриминации, независимо от цвета кожи, экономической или военной мощи и места рождения. Мы творим мир, где кто угодно и где угодно может высказывать свои мнения, какими бы экстравагантными они ни были, не испытывая страха, что его или ее принудят к молчанию или согласию с мнением большинства. Ваши правовые понятия собственности, выражения, личности, передвижения и контекста к нам неприменимы. Они основаны на материи – здесь материи нет. Мы верим, что наш способ правления возникает на основе этики, просвещенного эгоизма и общего блага. Ваши законы провозглашают, что идеи – всего лишь еще один промышленный продукт, благородный не более, чем чугунные чушки. В нашем же мире все, что способен создать человеческий ум, может репродуцироваться и распространяться до бесконечности безо всякой платы. Мы сотворим в Киберпространстве цивилизацию Сознания. Пусть она будет более человечной и честной, чем мир, который создали ваши правительства» [17]. Таким образом, предлагается перенести информационное общество из социальной реальности в виртуальное Киберпространство.

Магия книги и магия Интернета увлекают людей в виртуальные миры, но миры принципиально различные: книга приглашает своих читателей в психогенный мир, созданный естественным человеческим общением, а киберпространство Интернета – это

техногенный мир, живущий по законам (алгоритмам) техносферы. Литература, подобно всем видам искусства, способна воздействовать не только на рациональную, но и на эмоциональную сферу людей, пробуждая сочувствие и гнев, «чувства добрые» и катарсис. Интернет переполнен знаниями (фактами и концепциями), но обделен эмоциями и волевыми устремлениями. Поэтому книжная коммуникация гуманистична, а электронная коммуникация рационалистична. Интернет – симулякр духовности собеседника (которого нет), он апеллирует к рациональному сознанию и сопутствующим эмоциям посредством механически генерируемых сообщений. В диалоге человек – машина живое пламя духа присутствует только на стороне человека, а на стороне машины – бездуховные симулякры. Впрочем, рационального пользователя редко волнует волшебная власть слова; чаще всего ему нужна простая информация. Здесь Интернет незаменим: он мгновенно выдает нужную справку, сообщает новость, передает письмо, знает все, судит обо всем, создавая иллюзию информационного всемогущества – «магию Интернета». Взыскующую самореализации молодежь очаровывает иллюзорная жизнь, проживаемая в искусственном виртуальном мире, поэтому ряды «невольников Сети» постоянно растут, ряды же почитателей книги неуклонно сокращаются.

Согласно официальным данным, 37% взрослого населения России (43,3 млн человек) в 2010 г. были пользователями Интернета, что составляет примерно 10% всех европейских интернет-пользователей [18]. В этом же году социологи чтения установили, что 20% россиян, будущих граждан информационного общества, не имеют дома книг, а доля «нечитателей», никогда или «очень редко» берущих в руки книги, за последние 15 лет увеличилась до 35% [19]. Таким образом, информационная магия Интернета явно пересиливает гуманистическую магию книги. Если сегодня дегуманизация российского общества внушает пессимистическую печаль, то что же ожидает наше разбиблиотеченное общество завтра?

Уместно вспомнить известное пророчество *Дмитрия Сергеевича Лихачева* (1906–1999): «Двадцать первый век будет веком гуманитарных наук и гуманизма. В противном случае человечество может выродиться в гуманоидов, умеющих считать и пользоваться компьютерами, но их духовные ценности можно будет выразить одним-двумя словами» [20]. Возможно, Дмитрий Сергеевич,

историк древнерусской литературы, не испытавший прелести глобализации и информатизации, излишне недоверчив к электронной коммуникации. Может быть. Но ведь проблема гуманизации человеческого общества и компенсации катастрофических последствий его дегуманизации действительно существует и обостряется угрожающим образом.

Некоторые ученые футурологи полагают, что человек, выросший в искусственных условиях информационной среды, должен претерпеть органическую трансформацию, изменить свою природу и из банального *homo sapiens* или *homo economicus* превратиться в *homo informaticus*. Распространено мнение, что *homo informaticus* – духовно деформированный новый антропологический тип, законсервированный в своем виртуальном офисе. «Такой работник, – пишет один из авторов, – буквально “растворен” в информационной среде и целиком от нее зависит, тогда как роль социальной, привычной всем нам, среды здесь вторична. По сути, это означает *смену среды обитания* современного человека!» [21]. Предсказывается, что новая искусственная среда обитания приведет к взаимному отчуждению информатизированных членов социума, разрыву социальных связей и, в конце концов, – к распаду самого общества. Не случайно в последние десятилетия философы оживленно обсуждают проблемы «расчеловечивания» людей, киборгизации, вытеснения естественной природы искусственными артефактами, формирования «информационной антропологии» [22].

Ясно, что постчеловеку-киборгу ни книги, ни библиотеки не понадобятся. Эпидемия дисфункции чтения, распространяющаяся в наши дни, станет пандемией, охватывающей все человечество. Возвращенный в информационной среде *homo informaticus* должен воспринимать библиофила *homo legens* (человека читающего) как ископаемого предка, а не как близкого родственника. Самое ужасное, что вместе с исчезновением магии книги социальная коммуникация в значительной мере утратит свою гуманистическую функцию. В нынешних государственных проектах строительства информационного общества всегда отдавался приоритет информатизации библиотек, а гуманистические аспекты неизменно оставались в тени. Прямолинейно мыслящие технократы-проектанты наивно верили, что быстрое действие и экономичность Интернета и ридеров – главное доказательство превосходства электронной коммуникации над книжной коммуникацией по всем

критериям, в том числе и с точки зрения гуманизации. Они ошибались. Библиотечный гуманизм заключается не в оперативном, дешевом и изобильном предоставлении текстов, релевантных данному запросу, а в том, что интеллигенты-книжники витиевато называют «магия книги» и чего технократы-интеллектуалы понять не могут. Поэтому надеяться на то, что информационные сети станут носителями гуманистических идеалов, не приходится.

5. Обиблиотечивание информационного общества

Конкуренция двух магий – это столкновение двух коммуникационных культур – книжной культуры и электронной культуры. Эти коммуникационные культуры могут быть взаимодополняющими, но взаимозаменяющими быть не могут. Оцифрованного гуманизма не бывает, поэтому Интернет как глобальная магистраль информационного общества не является дорогой в царство гуманизма. Поскольку дегуманизированное человеческое общество – общество нежизнеспособное, россиянам-патриотам поневоле приходится задумываться не только о том, как информатизировать библиотеки в соответствии с Государственной программой «Информационное общество (2011–2020)», но и о том, как *обиблиотечить* грядущее российское общество. Задача непростая, ибо информатизация (разбиблиотечивание) пользуется поддержкой государства, а Всероссийской программы защиты библиотек и книжной культуры в информационном обществе у нас нет. Пора расстаться с прекраснородушной инфантильностью и понять, что никто не сможет выработать такую программу, кроме интеллигентов-книжников, облученных магией книги. Потребуется коллективные творческие усилия работников библиотек всех типов и преданных их читателей. На наш взгляд, исходить в этой работе нужно из двух аксиом: А) в информационном обществе должны не конкурировать, а дополнять друг друга все типы социальной коммуникации – устная, документальная, электронная; Б) библиотечные книгохранилища выполняют функцию гуманистического символа нации. Аксиома А достаточно очевидна. В обоснование аксиомы Б приведу несколько соображений.

Библиотеки всех типов и видов, особенно общедоступные бесплатные библиотеки, всегда были воплощением идеи гуманизма как основы человеческих отношений и общественной деятельности. Вплоть до конца XX в. всемирная библиотечная система, аккумулировавшая знания и мудрость человечества, представляла

собой единственный светский социальный институт, имеющий право считаться символом общественного гуманизма. Не случайно по уровню развития библиотек интеллигентные люди судили об уровне развития культуры в данной стране. Книжные фонды – это не только источник получения информации и средство заполнения досуга, но и необходимый элемент национального самосознания и общечеловеческой культуры. Поэтому научные и научно-технические, детские и школьные, национальные и региональные библиотеки представляют собой не просто информационное, досуговое, социально-культурное учреждение, а гораздо более важное достояние – гуманистический символ нации. Без этого символа нация утрачивает идентификацию, как человек, потерявший память и забывший родной язык. Этот символ нельзя заменить искусственным симулякром, поэтому оцифрованный книжный фонд не может служить аутентичным символом гуманизма; «разбиблиотеченная» библиотека – символ технократизма, который присущ информаторию, а не библиотечному институту.

В расколотом информационном обществе, эскиз которого представлен в разделе 3, высшая меритократическая страта, очевидно, будет располагать культурой элитарного уровня, а низшей страте достанется массовая культура. Чтение в информационном обществе будет не однородным, а сложно структурированным процессом, поскольку предсказанный учеными футурологами социально-культурный раскол неизбежно будет сопровождаться читательским расколом и дифференциацией книжного производства. Вырисовываются два полюса грядущего мира читателей: 1) замкнутый регион элитарного, в том числе, обязательно – детского чтения, с хорошим, даже букинистическим комплектованием личных библиотек; 2) размытое гетто массового развлекательно-досугового чтения бестселлеров в глянцевах обложках и портативных ридеров.

Поскольку меритократия монополизировала знание, образование и культурное наследие информационного общества, то его привилегией и потребностью станет *вдумчивое чтение* классических произведений художественной, духовной, научной литературы. Невзыскательные вкусы низшей страты будут удовлетворять красочные мультимедийные шоу, многосерийные телефильмы, спортивные передачи, азартные викторины и иные, пока еще неизвестные находки коммерческой массовой культуры.

Конечно, благодаря искусной книжной рекламе в богатом ассортименте досуговых развлечений нижней страты найдет свое место полиграфическая и электронная продукция коммерческого книгоиздания. Значительная часть граждан информационного общества вообще откажется от чтения книг, довольствуясь общедоступными ресурсами электронной коммуникации.

Библиотечная система российского информационного общества будет включать, по крайней мере, пять классов библиотек.

Класс 1. Детские библиотеки и многочисленные (66 тысяч!), но карликовые, школьные библиотеки. Библиотекари-педагоги мечтают о достойном комплектовании, о том, чтобы обзавестись компьютерной и мультимедийной техникой (кое-где даже преуспели в этом), но, как правило, вынуждены по старинной привычке педагогов-книжников полагаться, главным образом, на собственную выдумку и преданность библиотечному делу. В то же время они являются первоначальным и во многом решающим звеном в приобщении подрастающих поколений к гуманистическим ценностям национальной книги и мировой классики. Овладение культурным наследием нации начинается с детского чтения, поэтому (не побоюсь громких слов) унижительная нищета школьных и детских библиотек России – угроза национальной безопасности страны.

Класс 2. Форпосты элитарной и филологической книжной культуры в виде крупнейших национальных универсальных книгохранилищ во главе с Российской государственной библиотекой и Российской национальной библиотекой плюс региональные (краевые, областные, центральные) универсальные научные библиотеки. Крупнейшим библиотекам, несмотря на хронический дефицит площадей, квалифицированных молодых кадров и финансового обеспечения, нет необходимости изменять свой естественный имидж, ибо они всегда будут иметь гарантированный спрос на их библиотечно-библиографические услуги. По-видимому, они будут ориентироваться на обслуживание коммуникационных потребностей интеллектуальной элиты общества, которая, в свою очередь, позаботится об их сохранении и модернизации (информатизации).

Класс 3. Бывшие государственные массовые библиотеки, служившие когда-то «опорными пунктами партийных организаций» и очагами «массового чтения», сегодня сделались «муниципальными» и находятся в ведении самой бедной (и,

добавим) невежественной ветви местной власти. Трудно надеяться на их возрождение в качестве родников книжной культуры. А вот превращение их в центры социально-культурного общения массовых слоев населения – идея, по-моему, здравая и реализуемая. Не нужно смущаться тем, что в перспективе эти центры могут незаметно «разбиблиотечиться» и стать клубами гражданского общества, главное – сохранение гуманитарного потенциала российской культуры.

Класс 4. Фирменные библиотеки, научные и технические библиотеки, медицинские и сельскохозяйственные, вузовские библиотеки и другие библиотечные службы, входящие в состав обслуживаемых ими предприятий и организаций, несомненно, будут информатизированы, по возможности, разбиблиотечатся и станут стандартными службами информации, забыв свое библиотечное прошлое.

Класс 5. Академические библиотеки системы Российской академии наук во главе с Библиотекой Академии наук, основанной в 1714 г., несомненно, останутся цитаделями книжности, хотя научная коммуникация информационного общества в значительной степени обретет электронную форму.

В заключение сформулируем еще раз главную идею статьи. Не нужно жалеть усилий, чтобы информатизировать библиотеки, опасаться нужно бездарного *разбиблиотечивания*. *Разбиблиотечивание* опасно для национальной безопасности, потому что оно ведет к дегуманизации, т. е. одичанию народа. В дегуманизованном обществе расцветают аморальность, алчность, коррупция, недоверие к власти, пассивность населения, насилие, терроризм, с чем мы сталкиваемся повседневно. Информационные технологии должны служить библиотечному делу, а не библиотечное дело – информационным технологиям. Библиотечные работники обязаны удовлетворять информационные потребности homo informaticus, используя локальные и удаленные информационные ресурсы. Но главная и подлинная миссия библиотек заключается не в информационном обслуживании, а в спасении информационного общества от губительного недуга дегуманизации.

1. Рекомендации Всероссийской конференции «Будущее России – создание информационного общества XXI века» [20 марта 2001 г.] // Ершова Т. В. Информационное общество – это мы! – Москва : ИРИО, 2008. – С. 478.

2. *Столяров Ю. Н.* Библиотека // Библиотечная энциклопедия. – Москва : Пашков дом, 2007. – С. 139.
3. *Ното legens.* Памяти Сергея Николаевича Плотникова (1929–1995). – Москва, 1999. – С. 49–55.
4. *Читающий мир и мир чтения* : сб. ст. – Москва : Рудомино, 2003. – 190 с.
5. <http://www.nbu.gov.ua/law/98ru-gip.html>.
6. <http://www.libertarium.ru/68568>.
7. <http://minkomsvjaz.ru/ministry/documents/828/833/>.
8. <http://www.rg.ru/2008/02/16/informacia-strategia-dok.html>.
9. Государственная программа Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020)». Приложение 4.
10. Под *мегатенденцией* понимаются глобальные взаимосвязанные изменения, охватывающие экономику, политику, социальное устройство и культуру многих стран.
11. *Москвичев Л. Н.* Глобализация // Социологический словарь / отв. ред. Г. В. Осипов, Л. Н. Москвичев. – Москва : Норма, 2008. – С. 90–91.
12. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. – Москва : АСТ, 2003. – 603 с.
13. *Неклесса А. И.* Неопознанная культура. Гностические корни пост-современности // Глобальное сообщество: картография постсовременного мира / Московская школа геоэкономических и социальных исследований. – Москва : Восточная литература, 2002. – Вып. 2. – С. 17–47.
14. *Родионова И. А.* Глобальные проблемы человечества. – Москва : Аспект Пресс, 1995. – 159 с.; *Тураев В. А.* Глобальные вызовы человечеству. – Москва : Логос, 2002. – 192 с.
15. В социологии нет общепринятого понимания символа, но признается, что *символ* – концентрированное выражение смысловых социальных отношений. Говоря, что библиотека является гуманистическим символом нации, мы имеем в виду, что развитие библиотек есть наивысший показатель развития национального гуманизма. (*Кармадонов О. А.* Социология символа. – Москва : Academia, 2004. – 352 с.).
16. *Гессе Г.* Магия книги: эссе о литературе. – Санкт-Петербург : Лимбус Пресс : Издательство К. Тублина, 2010. – С. 40–41.
17. *Барлоу Д. П.* Декларация независимости Киберпространства // Информационное общество : сб. – Москва : АСТ, 2004. – С. 349–352.
18. *Интернет* в России. Состояние, тенденции и перспективы развития: отраслевой доклад / Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям. – Москва, 2010. – С. 13.

19. *Книжный рынок России. Состояние, тенденции и перспективы развития: отраслевой доклад / Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям.* – Москва, 2010. – С. 87.

20. *Лихачев Д. С. XXI век должен быть эпохой гуманизма.* – Москва : Наука, 1987. – С. 31.

21. *Абрамов М.Г. Человек и компьютер: от Homo Faber к Homo Informaticus // Человек.* – 2000. – № 4 – С. 127.

22. См., например: *Кутырев В.А. Человеческое и иное: борьба миров.* – Санкт-Петербург : Алетейя, 2009. – 264 с.; *Чеснокова Т. Ю. Постчеловек. От неандертальца до киборга.* – Москва : Алгоритм, 2008. – 368 с.; *Тульчинский Г. Л. Постчеловеческая персонология. Новые перспективы свободы и рациональности.* – Санкт-Петербург : Алетейя, 2002. – 677 с.

Summary

A. Sokolov. Libraries and informational society

Imprudent informatization of libraries is the threat of dehumanization of the Russian society. Arguments for preservation of library institution in the future information society are given.